

ЧЕЛОВЕК БУНТУЮЩИЙ, БУДЬ ВИДИМЫМ ИЛИ УМРИ! К ВИЗУАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИКИ ПРОТЕСТНО-СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Р. Э. Бараш

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН,
Институт логики, когнитологии и развития личности, Россия
raisabarash@gmail.com

А. Ю. Антоновский

Институт философии РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова
antonovski@hotmail.com

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда,
проект № 17-78-10238 «Новые формы общественной коммуникации
и радикализм в условиях информационного общества.
Системно-коммуникативный анализ»

Современную эпоху можно по праву назвать эпохой критики. Любое решение или достижение, прежде всего политиков и предпринимателей (но не в последнюю очередь и ученых, конструкторов, архитекторов, литераторов и даже людей искусства), сопровождается протестом или подвергается критике. Они или поражают в правах, или угрожают экологии, или повреждают культурную, гендерную, национальную или религиозную «идентичности».

При этом протест должен быть представлен в яркой и визуализированно доступной форме. Протестный лозунг должен получить дополнительное символическое уточнение (или расширение). Символы могут быть понятны или требовать мыслительных усилий (вспомним здесь новосибирские монстрации); при том, что оба условия никак не вредят общей прозрачности протестной функции. Сложным для восприятия электората партийным программам, принимаемым и реализуемым посредством комплексных механизмов согласования интересов и решений, они противопоставляют метафорически закодированный видеоряд. Его раскодировка не представляет сложности («anything goes») и обеспечивает общее понимание и единство протестующих (или его иллюзию, что в целом не меняет дела). Ведь протестующих и критиков социального порядка обобщает уже сам процесс раскодирования, которое и генерирует так называемую интерсубъективность, основанную на признании общей и символически выраженной ценности, *концептуализация* которой лишь разъединила бы участников.

Символическая визуализация объединяющих ценностей протеста (прежде всего общего неприятия страданий и поражения в правах) и ее раскодировка одновременно компенсируют или являются функциональным

эквивалентом (все еще отсутствующего у протестной коммуникации) символического средства коммуникации – гарантированного средства достижения коммуникативного успеха, символа, распоряжение которым обеспечивал бы любому участнику протестной коммуникации акцептацию его запроса на контакт.

Такие коммуникативно-обобщающие символы или медиа (власть, истина, деньги, вера) находятся в распоряжении классических макросистем (политики, науки, хозяйства, религии), что позволяет этим системам решать главную коммуникативную проблему – обеспечивать коллективные действия и согласовывать (или маскировать под такое согласование) общие интересы и решения. Протест, напротив, в значительной степени *распылен* на ряд важнейших, но гетерогенных тем, обсуждение которых, безусловно, интегрирует сообщества и придает системность этим коммуникациям в виде институционализировавшихся видов движений (феминизм, экологизм, антиглобализм и т. д.). Однако в конкуренции с системно-коммуникативным истеблишментом (прежде всего в конкуренции с политической и хозяйственной системой) отсутствие обобщающего символа, конечно, не является конкурентным преимуществом.

В нашей статье мы рассмотрим, какие коммуникативно-символические ресурсы в интернет-сетевую эпоху смогла развить в себе протестная коммуникация в качестве функциональной компенсации его тематической раздробленности и ввиду отсутствия у нее единого обобщающего символа.

Ключевые слова: визуализация протестной коммуникации, системно-коммуникативный подход, активизм, социальные сети.

REBELLIOUS MAN, BE VISIBLE, OR PERISH! VISUALIZATION OF THE SEMANTICS OF PROTEST COMMUNICATION IN SOCIAL NETWORKS

Raisa Barash

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
raisabarash@gmail.com

Alexander Antonovskiy

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
Lomonosov State University, Moscow, Russian Federation
antonovski@hotmail.com

The modern era can rightly be called the era of criticism. All that can be done can be done better; therefore, almost any achievement or decision,

primarily of politicians and entrepreneurs (but not least of all of scientists, designers, architects, writers and even people of art), is accompanied by protest or criticized. Achievements or decisions either affect personal rights, or threaten the environment, or damage cultural, gender, national or religious identities. At the same time, protest should be presented in a bright visual form. Any protest slogan should receive an additional symbolic refinement or extension. Symbols can be understandable or require few thinking efforts; and both these conditions should not harm the overall transparency of the protest function. These symbols of protest oppose metaphorically encoded video sequences to the complex party programs. The decoding of protest symbols is not difficult (“anything goes”) and provides a general understanding and unity of the protesters (or its illusion that, in general, does not change things). The symbolic visualization of the unifying values of protest (e.g., of the collective rejection of suffering or of the rights loss) and its decoding compensate the lack of a generalized symbolic means of communication, which is a guaranteed means of achieving communicative success. Such a symbolic visualization would ensure that any participant of protest communication has their contact request accepted, that is, addressed to other participants. Such communicatively generalizing symbols or media (power, truth, money, faith) belong to classical macro-systems (the ones of politics, science, economy, religion), which allows these systems to solve the main communicative problem, to provide collective actions, and to coordinate common interests and decisions. But protest communication, on the contrary, is dispersed into several heterogeneous key topics. The debate on these topics integrates communities and institutionalizes these communications into such social movements as feminism, environmentalism, anti-globalism, etc. However, unlike the clear communicative symbols of the political and economic systems, the absence of such a generalizing symbol in protest communication is not a competitive advantage. In the article, the authors consider the communicative and symbolic resources of protest communication that have been developed during the Internet network epoch as a functional compensation for its thematic fragmentation in the absence of a single unifying symbol.

Keywords: visualization of protest communication, system-communicative approach, activism, social networks.

DOI 10.23951/2312-7899-2019-4-36-59

Вместо введения. Экскурс в теорию коммуникативных медиа¹

Протестные движения выражают себя в акциях², а не четких *программах* достижения протестных целей³, на которые, как правило, ориентируются классические коммуникации. Но как быть с протестом? Если у него отсутствуют единые «обобщающие символические медиа», способные интегрировать гетерогенные коммуникации (скажем, зоозащитников с представителем ЛГБТ-сообщества), то что же служит заменой отсутствующего интегрирующего символа? Или протестное движение обречено проявляться лишь в спорадических и тотчас распадающихся коммуникациях и не способно к образованию системы (= длинных последовательностей коммуникаций) на уровне общества в целом?

Медиасимволы классических коммуникаций настолько абстрактны, что требуют дополнительного удостоверения их значимости. Это, очевидно, достигается через их телесно-физическое подтверждение. Так, власть (в определенных случаях) способна конкретизироваться (и этим подтверждать свое уже далеко не для всех очевидное значение) посредством телесного *насилия* или *наказания*; деньги, чтобы их признавали, должны гарантировать конечное *потребление* купленного товара, а истина удостоверяется *восприятием* в ходе научного наблюдения и экспериментирования. Собственно, вся карьера признания этих абстрактных символов как гарантов акцептации коммуникативных запросов на контакт состояла в их постепенном высвобождении из-под опеки своего конкретного *телесного* контекста. Другими словами, у каждого абстрактного медиа был предше-

---

¹ В качестве пропедевтики с особым вниманием к проблеме эволюции коммуникативных медиа см.: [Думан 2017, Антоновский 2017].

² Протестные символы сами по себе абсолютно произвольны: желтые жилеты, розы и цвета. Революции больше не демократические или социалистические. Сегодня их называют революциями роз, гвоздик, бульдозерными или оранжевыми. Сетевые технологии перехватывают эту символическую презентацию протестной тематики путем символической «демотивации» в технике «фотошопа». «Демотиваторы», рожденные как пародии на пропагандистские постеры, давно уже живут самостоятельной жизнью [Касьянова 2013].

³ Так, элементарная программа экономической коммуникации может быть обобщена в контрфактическом предложении: «Если цены падают, то покупай; если цены растут, то продавай». Но и это программное обобщение дополнительно маркируется ключевым *символом коммуникативного успеха*, а именно – деньгами. Но каждый обобщающий коммуникации символ (деньги, власть, истина) – это всего лишь символ. Он не определяет цены в экономике (*деньги* не указывают, что и когда покупать, а лишь маркируют и «связывают» системно-однородные коммуникации). *Истина* не определяет, что считать актуальным научным знанием. Для этого служат научные программы («теории и методы») [Антоновский 2015]. *Власть* не определяет, за кого голосовать на выборах, для этого служат политические партийные программы.

ственник или «двойник», который и теперь где-то на периферии коммуникативного наблюдения гарантирует значимость той или иной абстракции (в особенности в случаях, когда она дает сбой и начинает терять свое интегративное значение).

Рабочая гипотеза

Если наше предположение верно и именно визуализированное представление протестной темы заменяет отсутствующий у протеста медиум коммуникации, то, видимо, протестное движение все еще находится в некоем «незрелом состоянии». И конкретные символические визуализации протестных тем и есть тот самый «первичный бульон», из которого со временем, наконец, кристаллизуется абстрактный и сплывающий символ протестующего сообщества.

В этом смысле – протест в своей негативности ближе всего к коммуникативной системе искусства. Недаром эти сообщества зачастую трудно различить. Разница лишь в том, что искусство, однажды выразившись в том или ином акте отрицания действительного мира и создав несуществующую прежде форму, этим превращает свой жест отрицания в действительный мир, требующий нового отрицания [Luhmann 1997]. И этот мир – уже в музееализированном виде – сохраняют (для себя?) другие системы – политика, образование и даже экономика. Прекрасное же (или в новейшее время какой-то другой символ, удостоверяющий статус произведения искусства) создается только один раз, а всякое его *воспроизводство*, каким бы трудоемким оно ни было, больше *не воспроизводит* (парадокс!) системную коммуникацию искусства [Benjamin 1935].

Протест же, как мы покажем ниже, напротив, чрезвычайно дорожит своей визуализированной историей или памятью (прежде всего памятью страданий и травм пораженных сообществ). Ведь эта визуализированная история страданий как раз и делает возможным его *актуальное* состояние и воспроизводство. Он легитимирует себя, показывая на себя: каким он был, таким он и остался. Пока же не кристаллизовался абстрактный и обобщающий (и смыслы, и людей) символ протестного движения, который бы автоматически гарантировал успех продолжения протестной коммуникации, как это гарантируют деньги, обеспечивая успех экономических транзакций, или нетривиальная истинность комплексных

высказываний (публикаций), или власть, обеспечивающая принятие коллективно-обязательных решений, о нем можно делать лишь предположения.

С одной стороны, предложение «страдания за *другого*» на алтарь протеста как некое символическое выражение, обобщающее и свои и чужие страдания, обеспечивает коммуникативный успех (понимание и акцептацию запроса на контакт). Лишь *собственное* переживание протестующего (за негров в Африке, за жителей пострадавших регионов, за подвергаемых мужской опрессии женщин, за «страдающих» от техники и экономики природу и культуру) и есть тот механизм, который программирует позитивный ответ на тот или иной призыв к протестной коммуникации. Не страдающий за другого автоматически эксклудирован из такой системы.

С другой стороны, и сама *визуализированная история протеста* выступает гарантией его продолжения. И если такая память не поддерживается и не культивируется, никто не узнает, закончились ли страдания или нет. Но даже если страдания закончились, они не закончились для тех, кто страдал в прошлом и не дожился до светлого настоящего. И рабовладельцы в каком-то смысле, прежде всего в визуализированном средствами киноиндустрии прошлом, продолжают эксплуатировать рабов. И извинения эксплуататоров – по крайней мере, до тех пор, пока прошлые страдания доступны и наглядны в самоэкспозициях протеста – не смогут компенсировать прошлые обиды, как мы отлично видим в протестном дискурсе *black life matters*. При этом данное обстоятельство никак не должно оправдывать ни прошлую, ни нынешнюю дискриминацию, однако механизм воспроизводства протеста от этого не меняется.

К визуализации «профита» протеста в «теории слабых стимулов»

Ключевая проблема объяснения протеста состоит в раскодировании механизмов его мотивации. Мы видим, что тот или иной запрос на контакт (= предложение присоединиться к протестной коммуникации), с одной стороны, в качестве основания его акцептации обосновывается фактами страданий и дискриминации другого (*но, как правило, не самого участника протеста!*). И лучший способ вызвать такое участие – обосновать его картинкой (демотиватором, но лучше всего видео- или фотоподтверждением). Однако, с другой стороны, посылающий запрос должен убедить партнера по коммуникации

и в собственном «сострадании» чужому страданию, и именно этим объяснить свою загадочную – для представителей современного общества всеобщего благоденствия – мотивацию.

Насколько убедительна эта семантика собственного сострадания как реакции на страдания другого, объясняющая ключевые смыслы протестного действия в первую очередь для самих участников протеста? Насколько она убедительна также и для теоретика, который – как наблюдатель второго порядка – должен видеть больше, и учитывать контингентность, условность и недостоверность самопостулируемых мотивов первичного, т. е. протестующего наблюдателя.

С точки зрения неоутилитаризма, протестующий, безусловно, мотивирован семантикой страдания другого, реагируя на визуализацию страдания (прежде всего в телевидении), в избытке появившуюся во второй половине XX века. И именно с этим следует связывать зрелость его несетевой формы в 60-х годах XX века. С этой точки зрения он действует, скорее, аффективно, чем ценностно или целерационально⁴.

И в то же время (и в этом сказывается его специфическое положение наблюдателя социальной реальности) он предпринимает целе- и ценностно-рациональный выбор действия, ведь его аффекты, в сущности, представляют собой симулякры⁵. Они, по крайней мере, в нормальном случае, не поглощают протестующего настолько, чтобы «невидимизировать»⁶ поведенческие и коммуникационные альтернативы. Ведь он не настолько ангажирован собственным чувством, чтобы не дать себе времени на осмысление и калькуляцию (прежде всего собственной выгоды или «прибыли»), пусть эта выгода или прибыль и выражена в тонких понятиях «удовлетворенности» от выполненного морального или гражданского долга.

Эта «прибыль» характеризуется сторонниками такого подхода как некий мягкий стимул (в отличие от иных, прежде всего финансовых, административных и иных «жестких» факторов, мотивирующих классического Homo Economicus (soft vs. hard incentives)⁷. Этот рациональный акт выбора вполне может сравниваться со столь же

⁴ В смысле Макса Вебера [Антоновский 2018].

⁵ Мы используем это понятие за неимением лучшего, имея в виду, что сострадание конструирует («копирует») фактически неизвестное и фактически недоступное страдание другого. См. отечественную версию социального конструктивизма [Лекторский и др. 2008].

⁶ Подробнее о семантике невидимизации см. [Думан 2009].

⁷ «Хотя монах трудится ради Спасения других людей, он тем самым увеличивает и свою собственную прибыль, ощущая счастье или чувствуя удовлетворение, когда помогает другим» [Орр 1994, 13].

рациональными действиями по приобретению дома, выбором политического представителя в парламенте, партнера в интимных отношениях и т. д. Этот подход [Opp 1994] утверждает, что всякое действие, с одной стороны, генерирует некоторый личный «профит», но, с другой, сопряжено с растратой ресурса и издержками и, следовательно, является результатом рациональной калькуляции по минимизации издержек и увеличению личной прибыли (пусть и в ее мягкой форме).

Вслед за Дж. Коулманом, который все-таки в своей теории выходит за пределы «методологического индивидуализма», ряд теоретиков предложили теорию «общественного выбора»⁸, предполагающую идею «широкого утилитаризма» или идею «широкой модели» субъективной рациональности (куда мы должны отнести и рациональность протестного активизма). Эта модель, по мнению разработчиков, объясняла сами по себе необъяснимые связи между макрофакторами: функционированием той или иной политической системы, определенной социальной структуры и структуры типовых интеракций (условия) и кристаллизацией протестной макросистемы (следствие).

Классическая схема Вебера-Коулмана, призванная визуализировать макрозависимости путем обращения к микроуровню действий и переживаний индивидов, может быть представлена в виде следующей модели (схема 1).

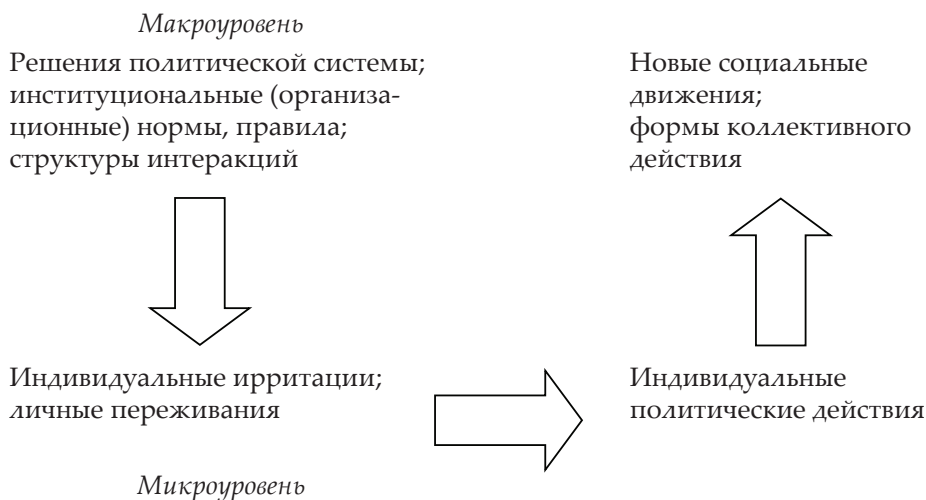

Схема 1. Классическая модель рационального общественного выбора

⁸ Подробнее см.: [Buchanan, Tullock 1962].

Первый макрофактор фиксирует (1) активности политической системы, принимающей особые («судьбоносные») решения ради своего сохранения и воспроизводства (о том, как толковать «два срока подряд», «о рокировке тандема», об отмене региональных выборов, о наказаниях за неуважение к власти и т. д.); институциональные правила (например, правила коммуникации в публичной сфере, разного рода права и свободы, но также и правила проведения общественных мероприятий, запреты и разрешения протестных акций, цензура СМИ, правовой режим НКО и т. д.); традиционные структуры интеракции (т. е. типичные типы коммуникации в рамках традиционных сообществ (церкви, профессиональных и иных сообществах), участие в которых делает возможным организационно-оформленные прерогативы их членов, но также и те удовлетворение и гратификацию, которые индивид обнаруживает в интерактивном общении с членами этих сообществ).

Предполагалось, что вся эта совокупность *макрофакторов* каузально определяет психическую реакцию (переживание) и индивидуальное восприятие «мягких стимулов» (в этом и проявлялась редукция макросистемных реалий к мотивационной системе психики индивида). Затем такого рода «психические состояния» каузально определяют индивидуальные «политически ориентированные» действия, которые в свою очередь, принимая массовый характер, приводят к кристаллизации «новых социальных движений» и соответствующему коллективному протестному действию на макроуровне.

С нашей точки зрения, эта схема – вопреки ее наглядности, прозрачности и известной эвристичности – все-таки не решает главную проблему протеста⁹: как индивидуальные политические акции и индивидуальные решения (на третьем шаге-узле означенной каузальной цепи) могут быть согласованы и коллективно осуществлены.

Сегодня, сталкиваясь с социально-сетевым протестом, мы понимаем, что в данной, более зрелой форме такого рода решения и их коллективные согласования *как бы предоставляются самой сети*, алгоритмизируются независимо от действий индивидуальной психики! Механизмы таких сетевых коллективных «алгоритмических решений» реконструируются в разного рода моделях их нейродинамической симуляции по образцу функционирования искусственных нейронных сетей.

⁹ Которая будет разрешена в ходе интернет-сетевой мобилизации протестного активизма.

Что можно взять из теории мягких стимулов?

Как нам представляется, из теории малых стимулов мы в первую очередь можем позаимствовать идею «структурных сопряжений» протестной и политической систем как двух рационально-калькулирующих агентов.

Остановимся подробнее на причинных связях макросистем (политической системы коммуникаций и протестной системы коммуникаций), непрозрачных и необъяснимых самих из себя, но получающих объяснение через редукцию к микроуровню. Политики, как и любые другие рациональные акторы, согласно этому подходу, наблюдая протест, в свою очередь, калькулируют шансы на успех переизбрания (или, по крайней мере, вопросы рейтинга как отечественного эквивалента политического успеха).

Уже в досетевое время протестная активность могла негативно воздействовать на электоральные позиции политиков. Ведь и претендующий на властную позицию актор, в свою очередь, старается максимизировать собственную прибыль (выраженную в шансах на переизбрание) путем калькуляции своей части прибыли в той общей прибыли, которую получают представители тех или иных групп и сообществ в результате его решения (например, об увеличении финансирования университетов и академий) и соответствующим образом проголосуют.

«Прибыль» оказывается той структурно-сопрягающей референцией, равно занимающей обе коммуникативные системы, пусть для политики она исчисляется в максимизации власти, а для протеста – в максимизации страхов, алармизма и сострадания к чужому страданию.

Однако в досетевое время это «структурное сопряжение» между политикой и протестом не имело характера «прямого действия», поскольку протестующие (прежде всего молодежь и студенчество) не имели возможности «прямого обращения» к обывателям. Ведь рядового избирателя мало волновали и в сущности даже не были известны те самые «слабые стимулы», мотивирующие студентов (плохие инфраструктурные условия университетской жизни, чувство социальной несправедливости, невостребованности, алармизма и т. д.).

Конечно, студенческий протест (в том, что касается возможности влиять на изменения электоральных предпочтений обывателей) мог апеллировать к другим сообществам (профсоюзам, религиозным, спортивным и иным), в которых они зачастую состояли

и с представителями которых они вступали в коммуникацию, а также через семью и друзей. Но все-таки такие косвенные воздействия не всегда достигали порога восприятия политики, которая в своей калькуляции потенциальных издержек и прибыли могла игнорировать студенческий протест как малозначимую электоральную переменную.

Положение дел существенно меняется в сетевое время. Социально-сетевая организация протеста позволяет не только активнее мобилизовывать иные сообщества (религиозные, спортивные, научные, этнонациональные и т. д.), но и напрямую обращаться к обывателю. Так, молодежные студенческие организации («инициативная групп МГУ» и другие), через сетевые структуры и сообщества, привлекая внимание к ряду судебных разбирательств (студента Азата Митфахова, «Пензенское дело», дело «Нового величия»), напрямую апеллируют к обывателю и генерируют интерактивные сообщества («марши материнского гнева»).

Сетевое протестное движение в этом смысле в значительной степени перестает нуждаться в поддержке тех или иных сообществ. Оно достигает других акторов напрямую, указывая им на пренебрежение их статусными правами и групповыми прерогативами. (Так, «мягкие стимулы» отечественного движения протеста 2012 года, уже в значительной степени формирующиеся и тематизирующиеся в социальных сетях, сделали возможным «обобществление» студенческого протеста, студенческие (и преподавательские) группы МГУ, ВШЭ, РГГУ согласовывали свои намерения по участию в протестных митингах.)

Второе достижение теории «слабых стимулов» состоит в ее способности теоретически объяснить странное (безусловно, не полное, но очевидное) ослабление «репрессивного эффекта», которое обычно вызывают силовые реакции на протестные акции. Протестное движение с его главным слабым стимулом «состраданием за другого» собственно разрешило – ранее морально неодобряемую – коммуникацию страха (прежде всего «страха за другого» [Luhmann 1994, 61]).

Именно поэтому всякая репрессия в направлении участника движения, конечно, может поражать этого участника и нейтрализовывать его собственную волю к протесту, но – словно в качестве компенсации этого обстоятельства – репрессия не поражает *само* движение, но лишь усиливает и радикализирует его основную мотивацию: «страх за других», в том числе и в особенности, за «репрессированных участников». Репрессия тем самым утрачивает

негативно-санкционирующую и увеличивает провокативную силу. (В скобках заметим, что сетевые формы протеста многократно усиливают означенный эффект, создавая сетевые сообщества, специализированные на генерации моральных обязательств сопереживания «репрессированным» участникам (сетевое сообщество «Росузник»¹⁰ только один из многочисленных примеров).)

Все это не могло не потребовать теоретического обновления понятийного аппарата, описывающего протестную коммуникацию. В том числе и реагируя на означенные выше теоретические трудности (прежде всего на трудности объяснения генезиса коллективного действия в условиях горизонтальных и ризоматических, субординационно независимых сообществ и индивидов) ряд теоретиков попробовали модернизировать теорию мягких стимулов путем привлечения социально-конструктивистских идей¹¹.

Конструктивистская модернизация теории «мягких стимулов»

Уже «досетевая теория» попыталась обойти означенную выше трудность в объяснении того, как же огромные массивы действий могут согласовываться друг с другом и выливаться в единое коллективное действие (митинг, протестную акцию). Для этого привлекалась конструктивистская (системно-коммуникативная) парадигма. Конструктивистский подход исходит из *первичности семантических изменений* (т. е. изменений значений и смыслов ключевых понятий, в которые облакаются протестные темы), *перед* изменениями социальной структуры!»!

Другими словами, всякого рода социальным изменениям должна предпосылаться некая новообразованная семантика «травмы», «страдания», облакаемая в визуально-доступные формы (например, в виде роликов в сетях, петиций, открытых писем и т. д.) и прилагаемая к реалиям, ранее представляющимся естественным и привычным (мужская оппрессия, страдание животных, требования политкорректности и др.). Ведь теперь страдания, наконец-то, стало возможным *увидеть* во всей их неприглядной и вызывающей сострадание фактуре, что (*как следствие!*) и генерирует новые

---

¹⁰ <http://rosuznik.org/>.

¹¹ Эмпирическое обоснование см.: [Opp et al. 1993]; философскую и научно-теоретическую рефлексию идеи радикального конструктивизма см.: [Лекторский и др. 2008].

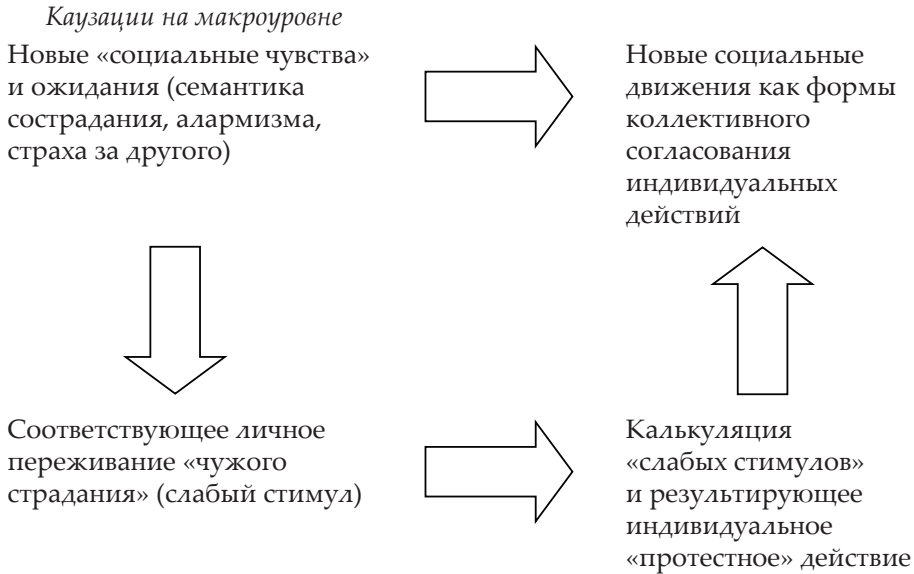
сообщества сострадающих (= протестующих). «Видеоряд» делает сострадание «реальным», а социальные сети позволяют этому «чувству» (а на самом деле – социальному ожиданию как фактору генерирования социальной структуры) длиться, воспроизводиться и коммуницироваться снова и снова.

«Видеоряд» и сетевое обсуждение делают страдание более реальным (в наблюдении сострадающего) и более интенсивным в сравнении с классическими «текстуальными» презентациями («Хижина дяди Тома» или «Дети подземелья»).

В конечном итоге, когда новые семантические конструкции начинают определять характер наблюдения больших масс людей, меняются и *социальные ожидания* того, как должна была бы выглядеть – удовлетворительная с точки зрения этого наблюдателя – социальная структура. Неожиданно выясняется, что в обществе, которое еще недавно полагалось устроенным достаточно справедливо, наличествуют структурные проблемы, требующие политической и протестной реакции по восстановлению «утраченной» справедливости.

Эти новые наблюдения, объединенные новой оптикой (видения «новой» несправедливости в «старых реалиях»), собственно и определяют «микрпроцессы» на нижнем «микроэтаже» как важный фактор формирования социальных ожиданий на верхнем макроэтаже «лодки Коулмана». Именно эти новые наблюдения выступают «раздражителями» и «триггерами», которые приходится учитывать «рациональному актору» в процессе калькуляции прибыли или издержек.

Это должно было решить проблему (объяснения) координации согласования действий больших групп или коллективного действия. Конечно, эта модернизация объяснительной схемы каузальных макротрансформаций через редукцию к индивидуальному микроуровню выглядит ad-hoc-объяснением. И эта схема утрачивает аналогичность прежней классической схеме веберо-коулмановского объяснения причинного объяснения рождения современного капитализма, перед которой вообще не стояло требования объяснить согласованное коллективное действие (схема 2).

Каузации на микроуровне

Схема 2. Модель рационального выбора в рамках конструктивистского подхода¹²

От теории к эмпирике: видимость и влияние, символика захвата – «верни себе город»

Показав слабость и силу теории слабых символов в объяснении классической протестной коммуникации, обратимся теперь к своеобразию нового – сетевого – протеста, а в заключение, основываясь на этой актуальной эмпирической фактуре, попробуем сформулировать и некоторые теоретические следствия.

Канадский «активистский» журнал *Adbusters* в июле 2011 г. провозгласил лозунг «Захвати Уолл-стрит». Идея состояла в том, чтобы использовать тактику Египетского восстания (захвата площади Тах-рир) и испанских *acampadas*. Сетевые сообщения на эту тему получают хештег «occupy Wall-Street». Тогда и возникает знаменитый символ этого протеста – балерина на спине атакующего быка (см. ил.).

¹² Мы существенно модернизировали первоначальную оригинальную схему, представленную здесь: [Орр 1994, 24].

Ил. Призывающий к участию в акции «Захвати Уолл-стрит» плакат с изображением танцовщицы на спине статуи Charging Bull. Балерина на спине быка – символ акции Occupy Wall Street

В Европе, особенно в Испании (тактика «*asampados*») и Германии, этому предшествовали символические захваты площадей и университетов. Один из авторов статьи в 2010 г. и сам работал в «оккупированном университете» г. Тюбингена. Университет продолжал работу как ни в чем не бывало, хотя повсюду были развешаны лозунги «*Besezt*», а в холлах располагались «оккупационные комитеты». (В отечественной практике протеста это, как известно, воплотилось в более информативном лозунге «верни себе город».)

В виде такого «символического захвата» осуществлялось вполне «легальное действие», получавшее особую семантическую нагрузку – возвращение обществу публичных мест как неких символов утраченной публичности или гласности. Второй – дополнительный, но более провокативный смысл, состоял в том, чтобы путем

законного действия (ведь никто не запрещает гулять по бульварам и посещать университеты) вынудить власть действовать *незаконно*. В целом это характеризует общую тактику современного протеста – символической и провоцирующей подмены, презентации протестной акции вполне легальным действием. Так, протест против плохой уборки снега выставляется как протест против всей административной системы. И именно так этот протест – вполне адекватно замыслу протестующего – понимается властью, провоцируемой таким образом на нелегальный силовой ответ с непредсказуемыми последствиями.

Благодаря этому, во-первых, некое незначительное *локальное* протестное действие в рамках *конкретной* протестной темы получает символическую форму *универсального* протеста и, провоцируя ответную нелегальную силовую реакцию, в свою очередь, провоцирует и глобальный протестный ответ со стороны, в том числе и не-протестных сообществ; во-вторых, таким способом протест отчасти справляется со своей ключевой проблемой – раздробленностью движения и гетерогенностью протестных тем.

Инфоброкеры – функция связи протестующих сообществ

Но возможная интеграция тематически раздробленных сообществ (как условие глобального протестного ответа на непропорциональную реакцию силовиков) не является чем-то само собой разумеющимся. Диффузия протестной информации циркулирует в локальных сетевых группах и тем или иным образом должна «заполнить собой» сетевое пространство. При этом «сетевая проводимость сетевой ткани»¹³, очевидно, не является однородной и равномерной, но оказывает «сетевое сопротивление» канализированию и диффузии протестной информации.

Должны были появиться особые акторы (или стилизованные под него группы), так называемые *инфоброкеры*, специализирующиеся на «организации мостов» между слабосвязанными (в том числе друг с другом) протестными сетевыми сообществами и сообществами непротестными¹⁴. Такие инфоброкеры либо одновременно «входят» в несколько сообществ, и благодаря этому их

---

¹³ О понятии «сетевой ткани», «сетевых разрывов» и «сетевой проводимости» см.: [Easley, Kleinberg, 2010].

¹⁴ Понятие *инфоброкеров* наиболее последовательно концептуализируется здесь: [González-Bailón, Wang 2016].

сообщения достигают адресатов данного множества групп. Либо они занимают некоторую выделенную позицию одновременно и в сетевой, и в несетевой реальностях, так что локальные протестные сообщества могут получать через них необходимую координирующую информацию. Речь может идти о влиятельных блогерах, ряде массмедиа, оппозиционно настроенных деятелях культуры, науки или искусства, религиозных деятелях, публичных интеллектуалах.

При этом эту сетевую позицию дефинитивно не может занимать действующий представитель власти, поскольку вынужден либо остерегаться персонально-диффамирующей информации, либо выстраивать защиту от нее и фильтровать комментарии, что существенно ограничивает интерактивные возможности инфоброкера от власти.

Возможно, самое существенное значение в «раздувании протеста» (см. ниже) играет возникающая *рекурсивность*: активация протестных ожиданий заставляет инфоброkers активизировать свою онлайн-активность. Это и понятно, ведь онлайн-популярность (т. е. видимость для других сетевых акторов) содействует усилению внесетевого влияния и видимости инфоброкера. Инфоброкер как *несетевое* публичное лицо (ученый, артист, литератор, оппозиционер) в традиционной публично-массмедийной сфере известен своими высказываниями, *не-приватными* (чаще всего стилизованными, постановочными) образами (интервью, роли и т. д.). Между тем сетевое пространство позволяет *визуализировать некоторые сферы приватной жизни*, пусть и в его собственной «ретушированной» редакции: фото, посещаемые места, друзья. Причем последние, в свою очередь, должны быть публичными лицами, что удостоверяет его собственное влияние.

Рекурсивность сказывается и в том, что *сетевая* узнаваемость и видимость усиливают *внесетевое* влияние публичного лица, подогревая интерес к его персоне как со стороны его коллег, так и со стороны традиционных массмедиа. И одновременно *внесетевое* влияние инфоброкера (его позиция в организационных иерархиях или как независимого публичного лица) почти с необходимостью мотивируют его окружение (студентов, подчиненных, коллег, почитателей или фанатов) отправлять ему запросы на контакт и включать его в свои «сетевые друзья».

Очевидно, что присутствие в «сетевых друзьях» влиятельного лица подчеркивает (= создает ее иллюзию) собственную значимость, так как по умолчанию полагается, что влиятельное (= видимое) лицо накладывает определенный фильтр на все поступающие

к нему запросы на контакт, допуская лишь наиболее «достойных». (На самом деле, этот фильтр, как и другие фильтры, давно не действует, так как сеть практически не знает ограничений, а на комментарии достаточно поставить лайк или набрать группу «ответственных за ответы на комментарии».)

Инфляция протеста

Очевидно, что такого рода рекурсивность (т. е. взаимная обусловленность сетевой и не-сетевой публичности) приводит к рекурсивному «раздуванию протеста». Это прежде всего проявляется в том, что активация инфоброкеров «раздувает» сам протест, а усиление протестной активности (в соответствии с механизмами положительной обратной связи) активирует инфоброкеров. В этом смысле мы можем говорить об «инфляции (или раздувании) протеста».

Это генерализированное понятие инфляции, разработанное в рамках системно-коммуникативной теории, оказывается плодотворным не только для анализа экономики, политики и науки¹⁵ (инфляция денег, «инфляция истины» как «раздувание» позитивных ожиданий от возможностей науки; «инфляция власти» как раздувание позитивных ожиданий от конкретного лидера, партии, политической конфигурации). Во всех означенных сферах коммуникации инфляцию сменяет дефляция (как результат кризиса и разочарования в своих завышенных ожиданиях от политических партий, лидеров, общественном и экономическом значении науки и т. д.).

В этом смысле и инфляция протеста, вызываемая к жизни, не в последнюю очередь, означенными выше рекурсивными взаимозависимостями (активности инфоброкера и протестного активизма; сетевой и несетевой активности), достигнув некоторой критической точки экстремума, рано или поздно (согласно модели отрицательной обратной связи) входит в стадию дефляции. Рано или поздно сетевое напряжение спадает, ресурсы (внимания, свободного времени, интереса, психического сострадания) конечных пользователей оказываются несоразмерными объемам протестных сообщений. Здесь протестная система коммуникаций обнаруживает границы, словно совпадающие с границами инфоброкеров в перекрывании структурных разрывов между сообществами. К их сообщениям

---

¹⁵ О понятии инфляции применительно к коммуникативным системам см.: [Антоновский 2017, Бараш 2017, Пружинин, Касавин 2017].

утрачивают интерес, а инфоброкеры (рекурсивность!) утрачивают интерес к протестной тематике¹⁶.

Назад к аналоговому! Визуализация памяти и персонификация как оружие протеста

Удивительно, что сетевой протест, основанный и обязанный своим происхождением главным образом цифровой реальности, в качестве своего главного оружия в конкуренции с другими коммуникативными системами (прежде всего с административной и хозяйственной) задействует свои способности к *аналоговой презентации своей памяти и истории*: средствами видео- и фотофиксации собственной истории «страдания другого» (= «злоупотребления других систем»).

Визуализация памяти предстает в настоящий момент в виде «тактики персонификации» неперсонифицированных участников других коммуникативных систем (коррупцированных политиков, злоупотребляющих властью силовиков и т. д.). Говоря абстрактным языком, это оружие задействуется против безличных коммуникативных механизмов (как *modus vivendi*) макросистем. Ведь системы сильны своей механистичностью, алгоритмичностью коммуникации и вытекающей отсюда *безличностью* конечного решения. Как правило, наблюдателям не удается реконструировать (распределенное на многие инстанции) авторство действий и коммуникаций и тем самым определить вытекающую из этого авторства ответственность за поражающее в правах решение или силовой ответ на протестную акцию.

Участник административной системы – полицейский, чиновник, судья, парламентарий – с полным на то основанием, будет

¹⁶ Здесь приходится различать информационных брокеров (связывающих разные сообщества сообщениями, объединенными общей протестной темой) и структурно-информационных брокеров, которые и сами способны генерировать протестно-релевантную информацию. Перспективным в этой связи было бы исследование, которое бы показало, как массивы сообщений инфоброкеров и число ответов или ретвитов увеличивается на этапе инфляции («общественного интереса» к протестной теме), перекрывая тем самым структурные разрывы между онлайн-сообществами и не-сетевыми коммуникациями. Увеличение этого числа не может быть бесконечным. Еще на этапе инфляции, очевидно, постепенно уменьшается доля ответных комментариев и ретвитов (по отношению к каждому инфоброкеру и относительно каждого первичного сообщения), что демотивирует инфоброкера. В этом смысле последним, ограничивающим или тормозящим протест ресурсом оказывается *объем внимания, интереса и «чувствительности» конечного пользователя*, не способного поддерживать «сетевое напряжение» в канализации и диффузии протестной информации.

утверждать, что исполняет некий алгоритм, который не был создан им самим; что он следует системным программам и медиа (вышепринятым распоряжениям, законам, необходимости поддерживать порядок). В этом смысле ему нельзя вменить в вину ничего, помимо отклонения от такого рода «заданных» программ поведения и коммуникации. Но даже и такое отклонение, как правило, истолковывается как «эксцесс исполнителя». В любом случае система сохраняет априорную правоту, независимо от (неправомерного) поведения ее конкретного участника.

Напротив, коммуникативная система протеста заявляет о себе как о *формально-неорганизованной* системе, как системе, не основанной на иерархиях и лидерстве. А если лидеры и появляются, то они всегда указывают на свое формальное неучастие в акциях. По возможности они дистанцируются от формального участия в организации протестной акции, но поддерживают их своей сетевой активностью и личным присутствием и выступлениями. Они *призывают, не призывая*, тем самым провоцируя политическую систему на ответные нелегитимные действия согласно излюбленной тактике «легитимной провокации».

Политическая система вынуждена отвечать на это некой «искусственной персонализацией». Лидеры протеста словно «назначаются» силовиками, им вменяют организацию нелегальных акций и подвергают репрессиям. Очевидно, что эта искусственная «персонафикация» представляет собой в данных условиях неизбежный, но бессмысленный и контрпродуктивный ход. Санкции в отношении *участников* протестной коммуникации лишь усиливают общее возмущение («несправедливым страданием другого»), а значит – и само движение. Политика лишь тешит себя, поскольку – лишь в ее собственной наблюдательной оптике (посредством различения *власти/безвластия*) – она продолжает свои рутинные самореференциальные операции по «отклонению отклоняющихся коммуникаций». Но в оптике остальных наблюдателей, использующих наблюдательные дистинкции иного рода (например, морализирующие различения *справедливого/несправедливого*), никакого «отклонения девиантного» в ходе разгона протестных акций как раз и не происходит.

Но более значимо и любопытно, что и протестная коммуникационная система научилась задействовать аналогичную *тактику персонализации безличной коммуникации*. Теперь за действиями властных имущих, чиновников и полиции «следят» и фиксируют. (Одним из многочисленных примеров конструирования такой квази-памяти

представляет сайт «beware of them»¹⁷, где создаются специальные базы, хранилища и досье с тщательно отсортированной информацией по главному протестному критерию – причинения «страдавший другому» как главной теме протестной коммуникации.)

Новация состоит в том, как распределяется и приписывается авторство (и ответственность). Ответственность и санкции за определенные действия теперь как бы отсрочиваются до «лучших времен», но обе стороны, в особенности участники политической системы, вынуждены считаться с высокой вероятностью будущих политических изменений и негативных последствий и поэтому заранее продумывают свое «алиби».

Возможно, именно с этим связаны утвердившиеся формы *мягко-го* авторитаризма, практикуемые нынешней властью, и в том, что касается разрешения протестных митингов (пусть и в редуцированной форме), терпимого отношения к политическим противникам (ФБК и т. д.) и некоторым оппозиционным СМИ (Эхо Москвы, Новая газета). Политика теперь не может просто сослаться на закон и распоряжения (*предметное* основание решения) или на свою легитимность как результат волеизъявления большинства (*социальное* основание решения) в отношении протестующих. Поскольку теперь все «записывается», регистрируется и аккумулируется *в памяти протестной системы*, вероятность *будущих* санкций со стороны будущих акторов в условиях будущих политических изменений уменьшает относительную значимость *предметного* и *социального измерения* коммуникации в пользу измерения *временного*. Это существенно смягчает репрессивность политической машины, которая вынуждена реализовать механизмы устрашения внутренних противников через репрессии, направленные на некоего *внешнего* врага («иностранные агенты», «тоталитарные религиозные секты» и т. д.).

Возникла прежде невиданная ситуация. Память политической системы оказывается в руках *еще* одной системы. Если раньше она находилась в руках (исторической) науки, на которую до известной степени (по крайней мере, в новейшей истории) можно было оказывать и политическое влияние, то теперь эта память переходит в руки менее щепетильной (в отношении ее методологии отбора запомненных событий) системы протеста. Безусловно, эта память гораздо более избирательна и протестно ангажирована.

В условиях современной медиатехники силовикам и чиновникам приходится учитывать, что все их действия фиксируются дважды

¹⁷ <https://bewareofthem.org/dossierru/securreu/rosqvardeytsi/?fbclid=IwAR1jndyuhflQqH5ZqigjHwDy-RKA34eJ-B8LCqVd7uA17-sGnYQCIE5ADrs>.

и хранятся в двух памятях – памяти прошлого и памяти будущего, памяти самой политической системы (в тех съемках, которую ведут агенты) и в памяти протестующих. Можно сказать, что внутри протестной системы отдифференцируются рефлексивные подсистемы, специализирующиеся на аккумуляции, сохранении и воспроизводстве системной памяти.

Фактически это может парализовать волю участника политической коммуникации, который попытается калькулировать свои шансы и дальнейшие (карьерные и бытовые) перспективы. Эта калькуляция во временном измерении дополнительно осложняется сохраняющейся интегрированностью России в мировое общество, мировую политическую систему. И протестная система может апеллировать к мировой политической и мировой правовой системе и предоставлять свои ресурсы (память) в ее распоряжение (ЕСПЧ). У политики отсутствуют возможности такого внешнего маневра, и в этом смысле она оказывается в асимметричном положении, поскольку не может предоставить свою память в распоряжение мировой политической системы, а пользуется – не сильно востребованным – эрзац-процедурой создания открытых баз «экстремистских ресурсов», что, скорее, информирует об экстремистской тематике, нежели элиминирует ее¹⁸.

Одним словом, в распоряжении протеста оказывается сверхмощное и не до конца адекватно оцененное оружие. Она словно прибегает к шантажу: я знаю лицо политической системы и жду своего часа. Теперь это не безличная машина, а индивиды: конкретные пропагандисты, провокаторы, политтехнологи, силовики, чиновники, судьи и спонсоры.

И у них есть семьи, родственники и близкие (которые не обязательно являются участниками политической системы, но зато почти с необходимостью являются участниками социальных сетей, а значит, в свою очередь видимы, и значит, – уязвимы). *Опасность* этих следствий для социального порядка очень трудно оценить. Ведь сетевая интегрированность родственников делает уязвимыми и их шансы в других макросистемах – хозяйстве, образовании, интимных отношениях. Любой эксцесс, интерпретируемый протестом как произвол, может сказываться тем или иным способом на судьбах этих людей, которые тоже озабочены планированием своих шансов и будущих карьерных перспектив. Одним из следствий сетевых конфликтов политики и протеста может стать «социально-сетевая» и «страновая» изоляция (запрет на акаунты в сетях и запрет

¹⁸ <https://minjust.ru/ru/extremist-materials>.

на выезд за рубеж), что парадоксальным образом «поражает в правах» и «причиняет страдания» уже участникам политической системы, если только учитывать весь спектр требований публичности, которую проявляют современные работодатели и кредитные организации.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Антоновский 2015 – Антоновский А. Ю. Понимание и взаимопонимание в научной коммуникации // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 45–57.
- Антоновский 2017 – Антоновский А. Ю. Наука как общественная подсистема. Никлас Луман о механизмах социальной эволюции знания и истины // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 158–171.
- Антоновский 2018 – Антоновский А. Ю. О науке Макса Вебера. Рецепция и современность // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 4. С. 174–188.
- Бараш 2017 – Бараш Р. Э. Истина и власть как категории социальной философии // Мониторинг общественного мнения. 2017. Том 141. № 5. С. 105–119.
- Касьянова 2013 – Касьянова Ю. А. Типы демотиваторов в современном социальном дискурсе // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 24–35.
- Лекторский и др. 2008 – Лекторский В. А., Петренко В. Ф., Пружинин Б. И., Князева Е. Н., Розов М. А., Смирнова Н. М., Швырев В. С., Антоновский А. Ю., Улановский А. М., Фарман И. П., Черткова Е. Л. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке // Вопросы философии. 2008. № 3. С. 3–37.
- Луман 2009 – Луман Н. Невидимизация: «unmarked state» наблюдателя. Самоописания. Логос. 2009. С. 262.
- Луман 2017 – Луман Н. Эволюция науки // Epistemology & Philosophy of Science. 2017. Том. 52. № 2. С. 215–233.
- Пружинин, Касавин 2017 – Пружинин Б. И., Касавин И. Т. и др. Коммуникации в науке. Эпистемологические, социокультурные и инфраструктурные аспекты // Вопросы философии. 2017. № 11. С. 23–57.
- Benjamin 1935 – Benjamin W. Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit. 1935.
- Buchanan, Tullock 1962 – Buchanan J. M., Tullock G. The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy. 1962.

- Easley, Kleinberg 2010 – *Easley D., Kleinberg J. Networks, Crowds, and Markets: Reasoning About a Highly Connected World. Cambridge University Press, New York, 2010.*
- González-Bailón, Wang 2016 – *González-Bailón S., Wang N. Networked discontent: The anatomy of protest campaigns in social media, Social Networks. Iss. 44. 2016.*
- Luhmann 1994 – *Luhmann N. Systemtheorie und Protestbewegungen // Forschungsjournal Neue Soziale Bewegungen. 1994.*
- Luhmann 1997 – *Luhmann N. Die Kunst der Gesellschaft. Suhrkamp. 1997.*
- Opp 1994 – *Opp K.-D. Der 'Rational Choice'-Ansatz und die Soziologie sozialer Bewegungen, Neue Soziale Bewegungen. Iss. 2. 1994.*
- Opp et al. 1993 – *Opp K.-D., Voß P., Gern C. Die volkseigene Revolution. Stuttgart. 1993.*

Материал поступил в редакцию 26.04.2019